УДК 7.025

И. В. Леонов, О. В. Прокуденкова

«Новодел» в практике сохранения культурного наследия: границы применения

Рассмотрены различные аспекты практик создания «новодела» в сфере сохранения и использования культурного наследия. Изучение данной проблематики осуществляется с учетом сложного спектра факторов, как полностью оправдывающих данные практики, так и делающих их принципиально нежелательными. Анализ применения «новодела» производится с учетом исторической изменчивости данной проблематики в России и Европе, а также с учетом ее вариаций в культурах Востока. В тексте приводится ряд конкретных примеров, иллюстрирующих практики применения «новодела», как в положительном, так и в отрицательном смысле. Уделяется внимание некоторым проектам и перспективам применения «новодела» в современной культуре. Обозначается проблема фрагментарного восстановления артефактов культурного наследия, обусловленная влиянием стереотипов массовой культуры.

Ключевые слова: культурное наследие, артефакт, новодел, консервация, реставрация, реконструкция, воссоздание, симуляция

Ivan V. Leonov, Olga V. Prokudenkova

«Modern replica» in practice of conservation of cultural heritage: limits of use

The article is devoted to the consideration of various aspects of the practices of creating «modern replica» in the field of preservation and use of cultural heritage. Consideration of this problem is carried out taking into account a complex range of factors, both fully justifying these practices, and making them fundamentally undesirable. The analysis of the application of the «modern replica» is produced by taking into account the historical variability of this problem in Russia and Europe, as well as taking into account its variations in the cultures of the East. The text contains a number of concrete examples illustrating the practice of applying the «modern replica», both in the positive and in the negative sense. Attention is paid to certain projects and the prospects for using the «modern replica» in modern culture. The problem of fragmentary restoration of artifacts of cultural heritage, caused by the influence of stereotypes of mass culture, is indicated.

Keywords: cultural heritage, artifact, modern replica, conservation, restoration, reconstruction, re-creation, simulation

В настоящее время одной из актуальных проблем современной государственной культурной политики России стал вопрос сохранения и включения объектов культурного наследия как ресурса социокультурного развития в различные целевые стратегические программы, обеспечивающие процесс модернизации страны. Как отмечает И. Р. Давлиев, культурное наследие – это фактор гуманитарной безопасности будущих поколений [1, с. 293]. В этой связи крайне важным становится осмысление мирового и отечественного опыта, связанного с пониманием сущности историко-культурного наследия, приемов его защиты и интеграции в культурное пространство.

В отношении сохранения артефактов культурного наследия применяется ряд основных приемов, среди которых консервация, реставрация, реконструкция, воссоздание. И. К. Москвина подчеркивает, что выбор реставрационных методов и стратегий в XX–XXI вв. во многом находится в прямой корреляции с господствующими ценностными представлениями эпохи [2]. Не вдаваясь в подробный терминологический анализ, отметим, что один из аспектов их сущности выражен в различной степени сохранения первозданности артефакта.

Так консервация направлена на максимальное замедление разрушения артефакта, несмотря на то, что остановить этот процесс невозможно. Иначе говоря, любой объект разрушается и не будет таким, как он был раньше, вследствие взаимодействия со средой и естественного старения. Здесь уместно привести слова Гераклита «В одну реку нельзя войти дважды».

В свою очередь, реставрация являет собой комплекс мероприятий, направленных на восстановление и укрепление первоначального состояния артефакта. Причем здесь необходимо также учесть, что данные мероприятия в любом случае воспроизводят лишь подобие первоначального вида, однако в максимальной степени соответствия.

Реконструкция представляет собой комплекс мер, направленный на существенное изменение артефакта (скажем, подверженного сильным утратам и деформациям), с целью его восстановления, однако с последующим обретением новых качеств. Сюда же можно отнести и модернизацию.

Наконец, воссоздание – это полное воспроизведение утраченного артефакта, представляющее собой создание фактически нового объекта, однако максимально приближенного к первоначальному образцу.

В современной культурной практике экспертизы и реставрации критерии оценки данных приемов и границ их применения законодательством разных стран определяются по-разному, вплоть до фиксации различных степеней сохранности в процентном выражении. Причем некоторые приемы либо отождествляются друг с другом, либо не имеют четкого выражения, как в случае с «реконструкцией» в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Кроме того, в отношении указанных понятий наблюдается разноголосица в их интерпретации как на уровне специалистов, так и на общекультурном уровне.

Однако несмотря на обозначенные трудности, основным аспектом нашего внимания является то, что рассмотренные приемы сохранения наследия приведены здесь в порядке возрастания степени вмешательства и видоизменения объектов со стороны специалистов. Основными противоположными полюсами в данном перечне являются, с одной стороны, консервация артефакта, с другой – его максимальное изменение вплоть до создания новодела. В рамках данной полярности оказываются все манипуляции с объектами культурного наследия. И тут прослеживается достаточно яркая тенденция последних десятилетий, которая показывает, что основные стратегии и практики сохранения культурного наследия в странах мира стали тяготеть к тому, что сейчас принято называть «новодел».

Одной из причин данной тенденции является то, что в современном мире, для которого характерны активные и даже агрессивные способы эксплуатации культурного наследия, сохранять его в аутентичном виде становится все труднее. Кроме того, в глобализирующейся реальности, ускорении темпов развития и изменения среды обитания человека, в первую очередь города, развитии коммуникаций, информационных технологий и других достижений современности меняются формы экспонирования и потребления культурного наследия, обретающего новые виды, смыслы и функции. В результате роста виртуально-медийных и информационных параметров культуры наследие все более виртуализируется, отрываясь от материи, перемещается в сферу воображаемого, быстро «мутирует» и симулируется. По меткому замечанию Н. Н. Суворова, «сфера виртуальной реальности, активно внедрившейся в сферу культурной коммуникации, создает основу для признания понятия воображаемого как ментальной реальности, существующей в процессе производства культуры и обращения ее продуктов» [3, с. 73]. В данном контексте открываются большие возможности для манипуляций наследием во всех направлениях: его можно придумывать, «вбрасывать» в общество, делать «реальным», и на уровне эффекта плацебо создавать у зрителя-потребителя чувство восприятия первозданности, архаичности, ценности и уникальности. Иными словами, симуляция наследия становится нормой культуры, где пластмасса заменяет хрусталь, мрамор подменяется его имитацией – акриловым камнем, а изначальный артефакт – копией его оболочки, включая виртуальные копии.

И тем не менее создание «новоделов» представляет собой неоднозначный феномен, который имеет свою историю и множественные варианты воплощения в различных культурах, включая те или иные исторические периоды.

Довольно ярким примером устойчивой практики использования «новоделов» является культура Японии, Кореи и, частично, Китая. Так в данных культурах, семиосфера которых лишена направленности на преобразовательные способности человека и качественные инновации, снос и воссоздание объектов наследия в виде их точных копий – вполне устойчивая практика. Сюда относится бóльшая часть деревянной монастырской и дворцовой архитектуры, которая воспроизводится с интервалом 300–500 лет. В данном случае аутентичным остается лишь каменный фундамент, все остальное воспроизводится, покрывается краской и, вписавшись в природный ландшафт, выглядит так, словно построено вчера и одновременно тысячу лет назад.

Показателен пример знаменитого памятника Японии – храмового комплекса Хорюдзи – объекта всемирного наследия, ставшего одной из главных достопримечательностей древней японской столицы Нары. Впервые он был полностью реконструирован в 670 г. н. э. после пожара, возникшего в результате удара молнии. Начиная с этого времени храм неоднократно обновляли, применяя соответствующие первоначальному замыслу технологии строительства и материалы, чтобы воссоздать изначальный облик святыни.

Совершая экскурс в историю России XX–XXI вв. в отношении анализа ситуаций применения новодела отметим, что этот вопрос носит далеко не однозначный характер. В первую очередь, речь идет о том периоде, когда осуществлялось восстановление памятников культурного наследия, утраченных частично или практически полностью во время Великой Отечественной войны. В ситуации послевоенного времени реконструкция и воссоздание артефактов культур-

ного наследия Советского Союза, утраченных вследствие действий фашистских захватчиков, были жизненно важны, поскольку утраты были невероятно велики и затрагивали фундаментальные основы исторической памяти, идентичности и самосознания представителей отечественной культуры. Не восстанавливать их было просто невозможно. Таким образом, в данной ситуации применение технологий новодела было исторически оправдано и целесообразно. Так был восстановлен Петергоф, Павловск, Царское Село, Гатчина и другие садово-парковые ансамбли и памятники культуры.

Здесь же следует отметить, что подобным образом были восстановлены многие города Европы, включая их средневековый и нововременной облик: площади, улицы, соборы, ратуши. Так в феврале 1945 г. союзные войска подвергли бомбардировке город Дрезден, который был столицей курфюршества Саксония и по праву считался культурным центром Восточной Германии. В результате авиаудара исторический центр города был полностью разрушен. Сохранились только фундаменты и фрагменты зданий некогда одного из красивейших городов Европы. В частности, до основания была разрушена церковь Фрауэнкирхе, и ее руины длительное время служили напоминанием об ужасах прошедшей войны. Но после объединения Германии в 1989 г. власти приняли решение воссоздать церковь, для чего было организовано движение «Акция-Фрауэнкирхе», что в итоге привело к полной реконструкции здания, которое заработало в 2005 г.

Наконец, необходимо указать, что процесс восстановления уничтоженных во время войны памятников продолжается и в наши дни. Яркий пример – предстоящие работы по восстановлению Китайского театра в Александровском парке Царского Села. Соответственно, критерии оценки такого рода работ по восстановлению утраченного наследия должны носить особый характер, не позволяющий ставить их в один ряд с аналогичными практиками новодела в других сферах. Кроме того, здесь напрашивается еще один пример из военной истории современности. Речь о разрушенных памятниках Сирии – Пальмиры и других стран региона, восстановление которых даже на уровне новодела так же жизненно важно для представителей соответствующих культур, как было важно восстановление утраченного наследия после Великой Отечественной войны для советских граждан.

И тем не менее по прошествии десятилетий, в мирное время и вне последствий войны, технологии применения новодела в прошлое не ушли, будучи подкрепленными описанными ранее обстоятельствами современного контекста. К примеру, сомнительное и нежелательное использование новодела может быть обусловлено сугубо экономическими факторами, а именно дешевизной и скоростью работ. В данном случае показательно несоблюдение технологий, скажем, при строительстве копий, реставрации и реконструкции утраченных церквей, когда вместо штукатурки и раствора, содержащих такой ингредиент, как куриные яйца, используется обычный цемент М–400 с песком и водой, либо штукатурка Knauff; когда вместо деревянных рам в окна вставляют их пластиковые аналоги; когда во вновь возведенных сооружениях XIX в. обнаруживаются лифты и подземные парковки; когда то, что нужно восстанавливать, казалось бы, десятилетиями, «вырастает» за 2–3 года. Наконец, уместно назвать практику применения во многих садово-парковых ансамблях Санкт-Петербурга имитации позолоты, которая имеет к золоту настолько отдаленное отношение, что вызывает у посетителей в лучшем случае улыбку, а в худшем – негодование. Данный перечень можно продолжать достаточно долго, начиная с безобидных и заканчивая существенными случаями несоблюдения технологий, обусловленными экономической целесообразностью.

Здесь же уместно упомянуть о практиках применения технологий «новодела» в деятельности негосударственных организаций, пользующихся культурным наследием или соприкасающихся с ним. Речь идет о деятельности коммерческих и некоммерческих организаций, включая религиозные, получающих от государства объекты культурного наследия в краткосрочную или долгосрочную аренду. В данном случае практика контроля за использованием таких объектов оставляет желать лучшего в силу незаинтересованности многих арендаторов в возвращении аутентичного вида памятнику и его поддержании в соответствующем состоянии. Однако следует отметить, что ситуация в этой сфере неоднозначна, поскольку в среде юридических лиц, использующих объекты культурного наследия, немало и добросовестных участников.

Отдельного рассмотрения в изучении практик «новодела» заслуживают современные проекты восстановления памятников культурного наследия в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Многие из них вызывают неоднозначную реакцию как в узких кругах специалистов, так и в обществе в целом. Показательной в рассматриваемом вопросе является недавно снятая с повестки дня ситуация, связанная с возможностью строительства двух монастырей – Чудова и Вознесенского, снесенных в Московском Кремле в начале XX в. Фундаменты монастырей были вскрыты при сносе четырнадцатого

«Президентского» корпуса Кремля. Дискуссия вокруг данного вопроса была достаточно острой, и ее суть сводилась к тому, что сторонники восстановления монастырей ратовали о восстановлении особого облика кремлевского ансамбля, актуального для современников. Критики этого процесса, невзирая на оптимистичный настрой своих оппонентов, утверждали, что это будет лишь копия, или «новодел», имеющий отдаленное отношение к тому, что было построено раньше. Пока мы видим, что участок на месте бывшего Президентского корпуса превращен в газон, скрывающий подземные помещения с очищенными фундаментами.

Однако исходя из реалий времени остается заключить, что практика использования «новодела» будет применяться все сильнее. И в определенной степени она может быть оправдана соблюдением изначальных технологий создания артефактов, а также использованием аутентичных материалов (например, в Санкт-Петерурге большое количество домов, построенных из кирпича в XIX – начале XX в., идут под снос, и данный кирпич вполне можно использовать повторно). В данном случае достаточно ярким примером является работа по реставрации и воссозданию отдельных элементов собора «Спас на Крови», которая ведется не одно десятилетие и во многом (по отсутствию спешки и тщательности выполнения) служит эталоном для подобного рода работ. Но все же общие тенденции таковы, что экономический фактор берет верх, и даже при наличии самых благих намерений не всем музеям и реставрационным объединениям по карману реализовать все замыслы.

Таким образом, обозначенные аспекты практики применения новодела в сфере охраны культурного наследия показывают сложность и неоднозначность данной проблематики, имеющей особые историко-культурные и региональные локации, что обязательно требует различных вариантов решений со стороны законодательства многих стран и международных организаций, в первую очередь UNESCO.

Вместе с тем заявленный материал раскрывает перед нами достаточно важную сферу деятельности специалиста-культуролога – экспертизу, суть которой, по мнению И. К. Москвиной, направлена на установление степени оправданности, перспектив применения и технологий новодела в каждом отдельном случае [4]. В рассматриваемом вопросе потенциал культурологии является незаменимым, поскольку только эксперт такого уровня сможет учесть историческую ценность артефакта, его духовную, политическую, идеологическую, религиозную значимость, специфику его участия в современной семиосфере и аксиосфере культуры, сопричастность артефакта с идентичностью и самосознанием носителей культуры, критерии изменчивости статуса артефакта в культуре на протяжении времени, перспективы сохранения и использования артефакта и многие другие критерии.

И в завершение обозначим еще один проблемный блок современной сферы охраны культурного наследия – «недодел», который выражен в поспешной сдаче артефактов наследия в эксплуатацию при восстановлении их отдельных сторон и функций (как это часто бывает к юбилеям и иным датам). Причем данные аспекты во многом могут быть обусловлены поверхностным уровнем понимания ценности и историко-культурной значимости тех или иных памятников, рожденным в пространстве массовой культуры вследствие «брендирования» наследия, воздействия «легенд» и симуляций в медиасфере. Данное явление стало настолько распространенным, что вполне может стать основой для последующего научного осмысления, дополнив проблематику представленной статьи.

Список литературы

1. Давлиев И. Р. Место культурного наследия Татарстана во всемирном культурном наследии // Мир культуры: история, современность и будущее: сб. ст. молодых ученых и аспирантов. Казань, 2014. С. 293–295.

2. Москвина И. К. Современные концепции реставрации в культурологическом дискурсе // Цивилизация и культура. 2016. № 5 А. С. 320.

3. Суворов Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 73–81.

4. Москвина И. К. Экспертиза культурных ценностей: к вопросу о критериях объективности // Новация: науч. журн. Варна, 2016. № 5. С. 17–20.

References

1. Davliev I. R. Place of cultural heritage of Tatarstan Republic in world cultural heritage. *World of culture: past, present and future: coll. of art. of young scientists and graduate students*. Kazan’, 2014. 293–295 (in Russ.).

2. Moskvina I. K. Modern concept of restoration in cultural discourse. *Civilization and culture*. 2016. 5 A, 320 (in Russ.).

3. Suvorov N. N. Onset of imaginary: imaginary as cultural phenomenon. *Bul. of Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts*. 2016. 2 (27), 73–81 (in Russ.).

4. Moskvina I. K. Examination of cultural values: on criteria of objectivity. *Innovation: sci. j.* Varna, 2016. 5, 17–20 (in Russ.).